

ГАЛА ГАРДА
Я ВЕРНУСЬ

КУРЕНИЕ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ

Гала Гарда
Я вернусь

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Гарда Г.

Я вернусь / Г. Гарда — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Потеря любимого приводит героиню к отчаянному шагу. На что готова настоящая любовь, чтобы спасти и простить. Мистическая история о любви, ненависти и вере.

Год. Вот, наконец, и прошёл. Тёмный, мрачный. Он, словно бесконечная, липкая мгла, которая день за днём втягивала меня в бездну. И не было ни желания, ни смысла сопротивляться. Пусть тянет за собой. Я уже покорилась ей. Я признала её власть, её всепоглощающую вселенскую силу. Что я перед ней? Ненужная, случайная частичка огромного мира. Есть я, нет меня... Кому от этого станет хорошо или плохо? Что меняется в этом мире без меня? Пустота... Я -пустота...

Я сделала глоток вина. И не почувствовала вкуса. Пила больше по привычке: надо же помянуть по-человечески мой брак, мой бизнес, мою жизнь... Димку...

Мгла поглотила чувства. И мгла стала мне подругой. Она успокоила сожаления о поражениях, она растворила обиды на бывшего мужа. Освободила мой разум от надежд, страхов и боли... Нет... Неправда... Боль еще жила во мне. И это было досадно: при воспоминаниях о Димке у меня по-прежнему сжималось сердце. И острые, глубокие иглы впивались в виски, пронзали сердце и останавливали дыхание.

«Мгла! Мгла! Помоги мне! Я больше не хочу жить с этой болью! Мне так хорошо в пустоте! Забери мою боль...» – молила я весь год. Но она была по-прежнему со мной. И она делала меня ещё живой. Я снова пригубила красную и безвкусную жидкость, которая когда-то была для меня любимым тосканским вином. Ещё год назад это вино оживляло мои чувства, как вода питала засохшую, но жаждущую влаги почву. Но сейчас всё было напрасно. Я не чувствовала вкуса вина, я не принимала его жизненную радостную силу, что впитали гроздь винограда под солнцем Тосканы. Я закрыла чуть початую бутылку вина пробкой и убрала в шкаф. «Может, оценит кто-нибудь другой».

– Время пришло, – сказала я вслух. Я давно не разговаривала с людьми. Мгле были неинтересны другие миры. Мгла оберегала свою территорию, что я отдала ей. Ни мгле, ни мне не нужны были чужие чувства, импульсы, желания и надежды. И говорила я только с собой... И с Димой... Но он молчал. Он жил во мгле. Поэтому я и стремилась к ней.

Я придумала все детали встречи с ней. День за днем, час за часом каждая секунда моей ещё так называемой жизни была подчинена встрече со мглой. Я жаждала её, как молодые любовники ждут первого свидания, как мать ждет рождения своего первенца. За окном – верная слуга моей милой мглы – ночь. Я всматривалась в ночь. И чувствовала покой и уверенность. Мне хорошо, когда ночь. Она служит мгле. Мгла – мое спасение. И почему люди так боятся смерти? Глупость людская! Чем моя жизнь не была похожа на смерть в представлении людей? Мне 33 года. У меня нет семьи, детей, любимого дела и Димки. Чем это не пустота, не смерть? Разве это можно назвать жизнью? Я живу в маленькой комнате с крошечной ванной. Это когда-то было частью офисного здания, что принадлежало нашей фирме. Через несколько дней всё уйдет на погашение долгов. Но мне всё равно. Я уже буду далеко. Мой брак и мой бизнес – это не потери. Я могла бы праздновать сегодня освобождение, новый этап в жизни. Пятнадцать лет я жила с человеком, которого не любила, я занималась делом, к которому не имела интереса. И если бы не Димка....

Я выскочила замуж сразу после окончания института. Павел был старше меня лет на шесть – наглый, отчаянный, хитрый и полный пофигист. Он оказался сыном моей учительницы по химии. Тамара Михайловна ненавидела меня. Павел ненавидел мать. Я думала, что ненавижу Диму. Вот и сложился пасьянс. Ненависть Тамары Михайловны ко мне я никогда не могла ни понять, ни объяснить. Я была «хорошей девочкой». Обычно учителя таких просто обожают: тихая, старательная и ещё с первого класса мечтающая стать учительницей младших классов. Я любила возиться с малышами. Потом желание поступить в педагогический университет переросло в цель, которую поддерживали все педагоги нашей школы. Кроме Тамары Михайловны. Она не упускала момента подколоть и унижить меня. От страха перед её злыми и хлесткими словами я вся сжималась, глупела. Потом она придумала новое развлечение. Она вызывала меня к доске на химические эксперименты. Я начинала дрожать и потеть ещё до звонка на

урок, и к моменту выхода к доске я превращалась в трясущуюся глупую овцу, которую вели прямо волку в пасть. Конечно же, я всё путала, колбы выскальзывали из дрожащих пальчиков, в мокрых ладошках отсыревал мел. «И ты хочешь быть педагогом, Санина? Не смеши меня! Тебя же дети разорвут ещё в подготовительном классе! Иди лучше ветеринаром – кошечек лечить», – насмеялась она. Однажды, это был очередной эпизод моего прилюдного унижения у стола с колбами, я снова сделала всё не так: не то смешала, колбы взорвались, я от страха закричала и прожгла форму. Я стояла в шоке и смотрела на своих одноклассников, хохочущих и чуть не падающих со стульев от смеха, смотрела на захлёбывающуюся в крике Тамару Михайловну. Она что-то орала на грани своих сил, брызгая слюной в разные стороны, пунцовая от злости. Я ничего не слышала. Видела только их лица: моих одноклассников – смешливые и равнодушные, моей учительницы – перекошенное от злобы. Я была словно в вакууме. Мир стал для меня беззвучным, чужим и злобным. И вдруг я увидела его глаза. В них было столько боли и отчаяния. Его скулы сжимались от злости. Он вдруг сломал ручку и отбросил её в сторону. Резко встал из-за стола и громко крикнул, перекрывая смех одноклассников и крик Тамары Михайловны: «Хватит!» Его «хватит» прорвало мой вакуум, и я грохнулась без чувств на пол, залитый химическими реагентами и осколками.

Дима пришел ко мне в больницу. Мы оба были очень смущены. Я – из-за убогой больницы обстановки и одежды, нечистых волос. Он... Не знаю... Мы никогда не общались до этого с глазу на глаз, хотя и проучились не один год вместе. Дима принес апельсины, на которые у меня была аллергия. Разговор всё не клеился. Нас обоих не интересовали одноклассники, и мы избегали любых тем, которые могли привести к обсуждению случившегося. А других тем и не было. Я ничего не знала о Диме. Он ничего не знал обо мне, я так думала. Пауза затянулась. Мы стояли у окна в коридоре больницы. Дима теребил в руках листы толстой тетради и смотрел в окно. Я украдкой рассматривала его. Он оказался очень привлекательным. И почему я раньше этого не замечала: чистая кожа, широко посаженные крупные глаза, высокие скулы, крепкие плечи. Непослушные волосы цвета спелой пшеницы.

– Что это у тебя? – наконец спросила я, указывая на тетрадь.

Дима очнулся и, смущенно протянув мне тетрадь, сказал:

– Это тебе...

Я быстро пролистала страницы тетради, исписанные чётким почерком. Там были какие-то схемы, формулы, стрелочки, слова в рамочках.

– Что это? – удивилась я.

Дима покраснел:

– Это... Это курс химии за весь год... Я написал его для тебя...

– Что? – воскликнула я. Химия была моим страшным сном. И я ничего не хотела о ней знать.

– Я переписал для тебя курс химии...

– Зачем? – я не знала, что и думать. Тетрадь словно жгла мне руки. Химия, и всё, что было с ней связано, были моими фобиями. А он, этот странный красавчик, просто издевается надо мной! Я даже подумывала поменять школу, только бы больше не видеть Тамару Михайловну.

– Я переписал все темы на нормальный язык... Ну, попробовал показать, какая химия особенная и прекрасная наука...

– Спасибо, конечно, Дим... Но я, наверное, школу поменяю... И потом, я совсем, совсем не имею интереса к химии. Ну, ничего не понимала до этого, и сейчас не пойму... Уж как-нибудь эти полтора года протяну...

– Ира! Ну ты же идёшь на золотую медаль!

– Димка! О чём ты! У меня еле-еле натянутая четверка по химии была в прошлом году! И только потому, что директор вмещался! Ты же видишь, что химичка делает со мной: у неё

ясная цель – влепить мне трояк! Раздавить меня! И я никогда в жизни уже не буду знать химию так, чтобы она оставила меня в покое, хотя бы с четверкой согласилась...

Мне было обидно, но я знала, что Тамара Михайловна по-своему права: ну не знала я её предмет на пять!

– Нет... – твёрдо заявил Дима. – Я не согласен! Ещё есть время всё исправить!

Я усмехнулась...

– Почему ты улыбаешься? Вот, прочти, пожалуйста, мою тетрадь! А если что непонятно, я помогу тебе, объясню...

Я внимательно посмотрела в глаза Диме:

– Почему ты это делаешь для меня?

Он смутился, опустил глаза и тихо сказал:

– Не терплю несправедливости... И унижения. Она не имела права так издеваться над тобой... И ещё ты умная... Я знаю, что ты можешь её победить. И поставишь её на место.

Мне было очень приятно услышать такое участие от одноклассника. Но я поймала себя на мысли, что хотела услышать от него совсем другое объяснение... «Ты мне нравишься, Ира». И как только я поняла, что на самом деле это он мне страшно нравится, я покраснела и отвернулась к окну.

– Хорошо, я почитаю. Но не думаю, что это мне поможет. И не верю, что химичка оставит меня в покое. Ей доставляет неземное наслаждение издеваться надо мной. Я просто уйду в другую школу.

– Не уйдешь, – спокойно сказал Дима. Я удивлённо посмотрела на него, хотела возразить, но поняла, что он прав: я не уйду. Из-за него. Мы поболтали ещё немного о всякой ерунде, посмеялись над моими соседками по больничной койке, и Дима засобирился домой.

– Ну ладно... Я пойду... Ты когда вернешься в школу?

– Через неделю. На следующей неделе ещё дома меня подержат...

– Хорошо, я навещу тебя дома?

Сердце моё готово было выпрыгнуть из груди. Дима как-то неуклюже пожал мне руку и пошёл по коридору. Потом вдруг резко развернулся в обратную сторону, подбежал ко мне, взял за руку, посмотрел в глаза:

– Иришка! Ты не должна уходить из школы. Прошу тебя! И химичка больше к тебе не пристанет. Я обещаю!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.